

38.78.4.23

ИЗДАТЕЛЬСТВО

“ТВОРЧЕСТВО”

СПБ., Кузнечный переулок, д. № 14, книжный складъ „ЛОСЪВЪ“ Телеф. 89-65.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Литературно-критическіе
АЛЬМАНАХИ.

АЛЬМАНАХИ ставятъ своей задачей критическое выясненіе идейной смуты, охватившей верхи русской интеллигенціи послѣ того, какъ схлынула волна массоваго движенія.

АЛЬМАНАХИ выйдутъ двумя выпусками по 22-23 листа каждый.

АЛЬМАНАХИ издаются при участіи:

В. Базарова, Л. Войтловскаго, М. Горькаго, Ю. Каменева, Л. Луначарскаго, М. Морозова, П. Орловскаго, М. Покровскаго, Л. Румянцева, Ю. Стеклова, М. Степакоева, В. Фриче, В. Шулятикова и др.

Подписка принимается въ СПБ.:

1) въ конторѣ издательства 2) въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Невскій 60.

въ Москвѣ:

Книжный магазинъ „Трудъ“ Тверская д. 38.

Подписная цѣна за ДВА ВЫПУСКА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

О ВѢЯНІЯХЪ
ВРЕМЕНИ.

Ю. А. Адамовичъ, Вл. Ильинъ,
Ю. Каменевъ, М. Новоселовъ,
П. Орловскій, М. Покровскій,
В. Половъ, С. Петровъ, Н. Рож-
ковъ и Г. Цыперовичъ.

☆

1908 г.

КОНВОИТ. № 3823

въ Австраліи живутъ китайцы, индусы, ассирійцы, канаки и японцы; въ нѣкоторыхъ центрахъ цвѣтное население составляетъ даже большинство и является повсюду, во всякомъ случаѣ, такимъ значительнымъ факторомъ, съ которымъ нельзя не считаться.

Въ сахарномъ производствѣ предприниматели даютъ работу почти исключительно канакамъ, которые являются юридически „свободными рабочими“, а фактически—рабами въ буквальномъ смыслѣ слова. Такъ напримѣръ, нанимаясь, они обязуются за перевозку съ острововъ работать не меньше 3-хъ лѣтъ на своего работодателя, фактически—рабовладельца. То же относится къ китайцамъ, занятымъ на разведеніе банановъ. Въ качествѣ вознагражденія они получаютъ 1 руб. 10 коп. въ недѣлю, пишу, жилье и двѣ смѣны платья. Пища—самая жалкая: $\frac{3}{4}$ ф. хлѣба и по $\frac{1}{4}$ ф. мяса. Весь образъ жизни—ужасный. Работы же изъ нихъ выколачивается масса.

Бѣлымъ рабочимъ такимъ образомъ составляется серьезная конкуренція. Предприниматели всегда стараются пользоваться болѣе дешевыми и болѣе покорными цвѣтными рабочими, постоянно пускаютъ ихъ въ ходъ при стачкахъ и другихъ конфликтахъ.

Отсюда—вражда рабочихъ къ своимъ собратьямъ и лозунгъ „Австралія для бѣлыхъ“, ничего общаго съ дѣйствительнымъ социализмомъ, конечно, не имѣющей.

Профессиональная организація рабочихъ Австраліи развита чрезвычайно слабо. Ею до сихъ поръ пренебрегали, и теперь это очень вредно отзывается на рабочемъ движеніи.

Въ теченіе одного года рабочая партія имѣла власть въ общей палатѣ депутатовъ. Премьеръ-министръ Daglish объявлялъ себя социалистомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ на дѣлѣ выступалъ постоянно защитникомъ существующаго строя, который, по его мнѣнію, нужно только нѣсколько реформировать, улучшивъ бытъ рабочихъ.

Въ южной Австраліи премьеромъ и сейчасъ является рабочій депутатъ Tom Price. Изъ рабочихъ депутатовъ Австраліи и сейчасъ не меньше половины представляютъ собою типъ прежнихъ англійскихъ либеральныхъ рабочихъ депутатовъ, которые теперь уступили мѣсто самостоятельной рабочей партіи. Другая же половина привержена къ социализму, но иногда понимаетъ его весьма своеобразно. Социалистической пропагандѣ еще только предстоитъ расчистить въ Австраліи путь къ дѣйствительному пролетарскому социализму.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

	стр.
П. Орловскій. Въ ночь послѣ битвы Л. Андреевъ и Э. Сологубъ)	3
М. Покровскій. Религія и революція (Д. Мережковский).	19
В. Поповъ. Модный романъ (Санинъ).	39

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

П. Орловскій. Коммунистическій Манифестъ	55
Н. Рожковъ. Государственная Дума	63
Вл. Ильинъ. Нейтральность професіон. союзовъ.	75
М. Новоселовъ. Два пути въ профес. движеніи	84
М. Покровскій. „Строго-научный“ методъ	101
Г. Цыперовичъ. Регрессивныя теченія въ совр. капитализмѣ	113
Сер. Петровъ. Максимализмъ въ русской революціи	138
П. Ор. Потомки Митрофана Простакова	167
Георгій Ервъ. Кооперативный съѣздъ и профес. союзы	175
К. Каутскій, Эд. Фольмаръ и Валльянъ. Три письма.	189

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Ю. Каменевъ. О тѣни Бисмарка	197
--	-----

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хроника рабочаго движенія: ст. Г. Зиновьева, Войнова, Е. П. и др.	223
---	-----

Максимализмъ въ русской революціи.

I.

Максимализмъ, въ качествѣ самостоятельнаго, болѣе или менѣе оформленнаго и организованнаго течения революціонной мысли, появился въ Россіи очень недавно. Всего годъ тому назадъ состоялась конференція, положившая основаніе „Союзу социалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ“. Но тѣ идеи, которая составляютъ сущность максимализма, зародились въ Россіи задолго до этой конференціи. Эти идеи жили въ своеобразномъ синдикалистскомъ движеніи среди ремесленниковъ Западнаго Края, въ сомнѣніяхъ нѣкоторыхъ социалистовъ-революціонеровъ въ законченности ихъ программы, въ томъ особомъ содержаніи, которое вкладывали многіе рабочіе-социалисты въ смыслъ происходившихъ вокругъ нихъ революціонныхъ событій. Но эти идеи не были ясно высказаны, не были оформлены, не были связаны никакимъ политическимъ дѣломъ, никакой организаціей. Да и число ихъ послѣдователей было очень ограничено. „Союзъ максималистовъ“ попытался формулировать эти идеи, формулировать программу максимализма, обосновать его идеологию, опредѣлить его тактику, установить его отношеніе къ другимъ партіямъ. И хотя „Союзу“ не удалось объединить вокругъ себя всѣ течения, всѣ ручейки максимализма, но въ короткое время онъ успѣлъ сдѣлать очень многое для популяризаціи максималистскихъ идей въ широкихъ рабочихъ кругахъ.

Большее значеніе имѣла для успѣховъ максимализма его пропаганда дѣйствіемъ. Въ частности, его первыя выступления были настолько эффектны, что на время максималисты стали „героями дня“. Московскій банкъ, Фонарный переулокъ, покушеніе на Аптекарскомъ Островѣ, рядъ смѣлыхъ экспроприацій и покушеній въ провинціи... Позднѣе длинный рядъ казней и разстрѣльвовъ безъ суда, причемъ, максималисты доказали умѣнье умирать героями... Въ моментъ упадка революціонной волны, при отсутствіи массоваго выступления, массоваго революціоннаго дѣйствія эти подвиги „одиночекъ-героевъ“ производили на „толпу“ неотразимое впечатлѣніе, дѣйствовали на нее почти гипнотическимъ образомъ. И послѣ каждаго такого „подвига“ являлись послѣдователи новаго

ученія, не усвоившіе совершенно его сущности, его цѣлей, его программы, но готовые подражать поразившему ихъ воображенію „героя“. Въ самыхъ различныхъ городахъ Россіи сами собой стали возникать кружки максималистовъ. Въ частности максимализмъ въ короткое время приобрѣлъ прочныя симпатіи среди нѣкоторыхъ группъ революціонной рабочей молодежи.

Все это должно было бы заставить противниковъ нарождающагося новаго течения отнестись къ нему съ серьезнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ социаль-демократическая печать до послѣдняго времени обходила максималистовъ полнымъ молчаніемъ. Буржуазная печать, напротивъ того, не забывала ихъ и не упускала случая пустить по ихъ адресу ругательство при каждомъ „обнаруженіи бомбъ“. Но всего курьезнѣе оказалось отношеніе къ максимализму со стороны официальныхъ учрежденій партіи социалистовъ-революціонеровъ и со стороны ея официальной печати. Совѣтъ партіи предалъ максимализмъ анаемѣ, печать объявила его измышленіемъ 2—3 безграмотныхъ литераторовъ, вульгаризаторовъ социализма. А между тѣмъ максимализмъ, пробиваясь съ низовъ, захватывалъ всѣ лучшіе пролетарскіе элементы партіи социалистовъ-революціонеровъ, подчиняя себѣ и ея рядовыхъ работниковъ-практиковъ. И партія социалистовъ-революціонеровъ, какъ таковая, даже не попыталась уяснить себѣ грозный для нея смыслъ этого явленія.

Такое невнимательное отношеніе къ максимализму объясняютъ иногда убогостью его литературы, которая, дѣйствительно, вся состоитъ изъ дюжины тощихъ брошюрочекъ и изъ пары сборничковъ болѣе или менѣе сомнительнаго содержанія. Но убогость и наивность максималистской литературы не уменьшаетъ, а быть можетъ, увеличиваетъ ея историческій интересъ. Ибо, если эта наивная литература пользуется успѣхомъ даже среди болѣе или менѣе сознательныхъ слоевъ рабочаго класса, значитъ она даетъ отвѣты на какіе-то глубокие, волнующіе запросы. И ни политикъ, ни историкъ не можетъ игнорировать эти отвѣты только потому, что они кажутся ему наивными.

Вотъ почему, приступая къ изученію максимализма въ русской революціи, мы должны заранѣе отказаться отъ употребленія противъ него тѣхъ приемовъ, которыми пользуется социаль-революціонная и легальная буржуазная печать. Мы не будемъ стараться путемъ искуснаго подбора цитатъ доказывать, что максималисты плохіе диалектики, путаются въ понятіяхъ, противорѣчатъ сами себѣ и пр. и пр.—заниматься этимъ не труднымъ, но и неблагодарнымъ дѣломъ мы представимъ Виктору Чернову съ учениками. Мы не будемъ также путемъ подбора агентскихъ телеграммъ и хроникерскихъ замѣтокъ доказывать, что максималисты являются

простыми убийцами, грабителями, мародерами революции — этим пусть занимаются гг. Струве, Меньшиковы, Изгоевы, Булапели, прокуроры судебных палат. Мы же постараемся лишь *понять* максимализм, как историческое явление, уяснить себе его сущность, определить те общие исторические условия и особенности русской революции, которая породили максимализм. Мы постараемся уяснить, как отбывает на выдвигаемые русской революцией вопросы социаль-демократическое мировоззрение, и почему при попытке отбывать на них рабочий социаль-революционер приходится к максимализму. Такое изучение максимализма позволит нам определить его положительное или отрицательное значение в ходе русской революции, и дать нам в руки оружие против него, если мы признаем влияние максималистских идей на рабочее движение не соответствующим интересам пролетариата.

II.

В чем же сущность русского максимализма, как теоретического и практического течения в русском революционном море?

Сколько бы противоречий ни содержалось в максималистской литературе, три мысли проходят красными нитями сквозь все писания максималистов. Этих трех мыслей никогда не забывают ни теоретики максимализма, ни даже его поэты, украшающие плодами своего вдохновения почти каждое максималистское издание. Вот эти три мысли:

- 1) Провозглашение немедленного социального переворота.
- 2) Признание лишь непосредственно-революционной, насильственной борьбы за этот переворот.
- 3) Безусловное отрицание парламентской борьбы в пределах капиталистического строя.

Эти мысли выражены в максималистской литературе с ясностью и определенностью, не оставляющими места ни для каких сомнений и недоразумений.

„Союз социаль-революционеров - максималистов ставит своей практической задачей немедленный социальный переворот“ заявляет „Извещение“ учредительной конференции „Союза“. Позднейшие произведения максималистской литературы пестрят не менее решительными заявлениями: „Мы, социаль-революционеры - максималисты, залагаем на себя обязанность добиваться своих целей революционным путем. Иных способов борьбы... для достижения наших целей нет и быть не может.“ („Сущность Максимализма“) „До момента решительного и категорического поворота нашей жизни в ту или другую сторону, мы находим целесообразной следующую систему

боевых актов: экономической и политической террор, аграрный и фабричный, взрывы цеховых гнезд, правительственных или капиталистических учреждений, экспроприации, партизанскую войну и, наконец, всеобщую стачку“ („Сборник „Воля Труда“, стр. 70). „Социаль-революционеры-максималисты относятся безусловно отрицательно ко всякого рода представительным учреждениям в пределах буржуазного строя“ („Сущность Максимализма“).

„Всяким представительным учреждениям в рамках буржуазного строя мы объявляем бойкот, ибо они являются всегда органами буржуазного господства и подчинения трудовых масс“ („Сборник „Воля Труда“, стр. 71).

Эти цитаты настолько характерны, что уже на основании их одних мы можем определить максимализм, как *революционно-анархическое течение, отрицающее возможность парламентской борьбы в пределах капиталистического строя и стремящееся превратить происходящую в России революцию в социалистический переворот*. И, хотя максималисты энергично протестуют против отождествления их с анархистами, но косвенно они сами подтверждают правильность нашего определения, признавая, что анархизм (в частности, анархосиндикализм) им ближе, чем социализм, в том виде, как проявляется он у русских социаль-революционеров, не говоря уже о социаль-демократах. („Сборник „Воля Труда“, стр. 116).

Итак, мы видим в максимализме своеобразное *анархическое направление русской революционной мысли*.

До последнего времени среди русской интеллигенции большим успехом пользовались различные мирно-анархические теории, как, напр., учение Льва Толстого. Но в рабочих кругах эти теории не находили никакого отклика. Революционный анархизм вплоть до 1905 г. тоже не интересовал рабочих: он им был в России кое-каких генералов, но не имел армии, и попытки немногих анархистов привлечь к себе сторонников кончались плачевной неудачей.

В эпоху октябрьских митингов анархисты-коммунисты пытались выступить с открытым изложением своих взглядов, но все их попытки представляли из себя ряд скандалов, ряд взрывов веселого смеха в перемену с не менее веселыми свистками. Аудитория, которая ждала получить от ораторов указания насчет техники вооруженной борьбы, тем не менее неизменно приходила в игривое настроение, лишь только подымались на кафедру анархисты-коммунисты и начинали излагать свои теории захвата всех имуществ буржуазии вместе со своими рецептами изготовления македонских бомб, изобретков водопроводных труб и каких-то особых снарядов для сожже-

ния „шпиковъ, провокаторовъ, офицеровъ, полицейскихъ, мастеровъ и вообще враговъ рабочаго класса“. Въ это время революціонный анархизмъ былъ такъ же чуждъ рабочему движению, какъ мирная христіанская проповѣдь Льва Толстого.

Такъ было еще въ 1906 г.

Мирный анархизмъ среди интеллигенціи и непонятые проповѣдники революціоннаго анархизма передъ рабочей толпой, отвѣчающей имъ на ихъ проповѣдь смѣхомъ и свистомъ.

И въ сравнительно короткій промежутокъ картина рѣзко перемѣнилась.

Мирный анархизмъ русской интеллигенціи въ лучахъ воссіявшаго надъ страной солнца конституціи оказался самымъ пошленькимъ, самымъ дешевенькимъ либерализмомъ. Но въ рабочей массѣ вдругъ проявилось извѣстное сочувствіе новому революціонно-анархическому движению, и это движеніе захватило не только почти всѣ слои пролетаріата, находившіеся подъ влияніемъ социалистовъ-революціонеровъ, но даже сказалося и среди рабочихъ социаль-демократовъ.

Вотъ этотъ поворотъ рабочаго движенья къ анархизму и является наиболѣе существеннымъ въ вопросѣ о максимализмѣ.

Каковы тѣ причины, которые вызвали тяготѣніе рабочей мысли къ анархизму? Почему подъ влияніемъ этихъ причинъ къ анархизму обернулись прежде всего соц.-революціонные, но не социаль-демократическіе элементы пролетаріата?

Таковы главные стоящіе передъ нами вопросы. Чтобы отвѣтить на нихъ мы должны, прежде всего, разобрать условия переживаемаго Россіей революціоннаго переворота и тѣ вопросы, которые выдвигаетъ этотъ переворотъ передъ рабочими, а затѣмъ тѣ отвѣты, которые даютъ на эти вопросы матеріалистическое марксистское міровоззрѣніе социаль-демократовъ съ одной стороны, и идеалистическое міровоззрѣніе социалистовъ-революціонеровъ, съ другой стороны.

III.

Согласно съ даннымъ выше опредѣленіемъ сущности максимализма, мы можемъ характеризовать настроеніе рабочей массы, которое дѣлаетъ ее наиболѣе воспримчивой къ анархо-синдикалистской проповѣди, тремя чертами:

1) Крайнее недовольство своимъ положеніемъ и отсутствіе вѣры въ возможность улучшенія его въ предѣлахъ капиталистическаго строя.

2) Вѣра въ возможность немедленнаго сверженія капиталистическаго строя, въ возможность немедленнаго социальнаго переворота.

3) Готовность употребить всѣ силы, принести всѣ жертвы ради осуществленія этого переворота.

И если всмотрѣться внимательно въ природу капиталистическаго классоваго государства, то ясно будетъ, что каждая политическая революція, происходящая въ рамкахъ буржуазнаго строя *должна* создать среди пролетаріата это настроеніе, благоприятствующее развитію максимализма. Ибо не случайность, что со времени появленія рабочаго класса на аренѣ исторіи онъ при всѣхъ политическихъ революціяхъ пытался зажечь пламя социальнаго переворота. Не случайно въ 1848 г. «Союзъ коммунистовъ» со дня на день ждалъ зари всемірной социальной революціи, не случайно въ 1871 г. парижскій пролетаріатъ своей «коммуной» направился по этому пути.

Въ самомъ дѣлѣ.

Что такое *буржуазное государство*? Буржуазное государство — это форма политическаго господства буржуазіи, закрѣпляющаго собою ея экономическое господство надъ пролетаріатомъ. Буржуазное государство — это совокупность всѣхъ орудій организованнаго насилия, совокупность судовъ, полиціи, чиновничьей іерархіи, расадниковъ умственного и нравственнаго отупленія народа въ видѣ казенной школы и казенной церкви, а главнымъ образомъ, военныхъ силъ всѣхъ видовъ оружія, — совокупность всѣхъ этихъ орудій насилия, отданныхъ на служеніе буржуазіи, посвященныхъ укрѣпленію и охранѣ ея классоваго господства. *Власть* въ такомъ буржуазномъ государствѣ можетъ принадлежать не всей буржуазіи, а лишь тѣмъ или другимъ высшимъ слоямъ ея, но существуетъ она постольку, поскольку защищаетъ господство буржуазіи, какъ таковой.

Что же такое *политическая революція* въ рамкахъ капиталистическаго строя? Это переходъ власти изъ рукъ одного класса, въ руки другихъ классовъ или новое распределеніе политической власти между тѣми классами, которые и раньше участвовали въ управленіи страной. Этотъ переходъ, это перераспределеніе власти происходитъ обыкновенно въ результатѣ открытаго столкновенья тѣхъ классовъ, которымъ былъ выгоденъ старый строй, съ другими классами, для которыхъ этотъ старый строй былъ оковами, и которые жаждали отъ него избавиться. И т. к. старый строй имѣлъ на своей сторонѣ всю государственную организацию насилия, то политическій переворотъ въ рамкахъ капиталистическаго строя обыкновенно осуществляется, какъ *низверженіе старой власти возставшими противъ нея массами населенія*.

Посмотримъ теперь, каково положеніе пролетаріата въ такой политической революціи.

Въ капиталистическомъ государствѣ рабочій классъ является самымъ угнетеннымъ, у него всегда имѣется болѣе основаній для недовольства существующимъ строемъ, чѣмъ у какаго бы то ни было другого общественнаго класса. И потому во всѣхъ революціяхъ со времени своего появленія на аренѣ исторіи пролетаріатъ игралъ наиболее активную роль. Но причины угнетеннаго положенія пролетаріата въ буржуазномъ строѣ настолько глубоки, что, лишь поднявшись на значительную высоту классового социалистическаго сознанія, пролетаріатъ приходитъ къ ясному ихъ пониманію и къ пониманію тѣхъ путей, которые ведутъ къ устраненію капиталистическаго наемнаго рабства. До тѣхъ поръ ближайшее зло слишкомъ легко представляется пролетаріату первоисточникомъ всѣхъ его страданій, освобожденіе отъ ближайшаго гнета слишкомъ легко принимается въ его глазахъ значеніе осуществленія полной свободы. И потому *наканунѣ* политическаго переворота и *въ началѣ* политической революціи рабочій классъ склоненъ *скорѣе переоценивать чѣмъ недооценивать* значеніе для него измѣненія политическаго строя. И этимъ объясняется, между прочимъ, почему такъ холодно и враждебно рабочая *масса* принимала въ октябрьскіе дни анархическую проповѣдь отказа отъ борьбы за учредительное собраніе, во имя сосредоточенія всѣхъ силъ на *непосредственной* борьбѣ за социализмъ. Этимъ и объясняется та легкость, съ которой столько разъ буржуазія „использовала“ силы пролетаріата для собственныхъ цѣлей, и тѣ усилія, которыя приходилось всегда прилагать социаль-демократіи для того, чтобы въ революціонное время сохранить чистоту своей классовой позиціи.

Но по мѣрѣ развитія революціонной борьбы слабѣетъ вѣра рабочихъ въ то значеніе, которое имѣетъ для нихъ происходящій на ихъ глазахъ политическій переворотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и крѣпнетъ вѣра въ возможность немедленнаго сверженія капиталистическаго строя, немедленнаго осуществленія социальной революціи.

Въ самомъ дѣлѣ.

Народъ возсталъ, народъ вступилъ въ открытую борьбу со старымъ государственнымъ строемъ, бывшимъ всегда стражемъ интересовъ буржуазіи, охранявшимъ отъ дерзкихъ посягновеній пролетаріата неприкосновенность капиталистической собственности, капиталистической эксплуатаціи. И этотъ строй оказывается уже не такимъ непоколебимымъ, какимъ онъ казался издали. Онъ дрожитъ и шатается подъ напоромъ народныхъ волнъ, эти волны сметаютъ старые законы и старый судъ, сметаютъ старыя полицейскія и государственныя власти, вырываютъ, наконецъ, изъ рукъ враговъ самое острое, самое жестокое оружіе капитала — армію.

Пройдетъ короткій промежутокъ времени, и окажется, что въ ряду силъ, снесшихъ старый строй, далеко не *все* были направлены въ сторону полного уничтоженія господствующаго въ современномъ обществѣ рабства, что къ этой цѣли стремился *только* пролетаріатъ, что для другихъ классовъ, участвовавшихъ въ революціи, рѣчь шла *только* объ измѣненіи *формы* господства буржуазіи, а вовсе не объ уничтоженіи основъ капиталистическаго строя. Пройдетъ промежутокъ времени, и аппаратъ государственнаго насиія будетъ возстановленъ и снова будетъ стоять на пути движенія пролетаріата къ социализму, и ясно станетъ рабочимъ, что пройденный ими во время революціи путь быть не открытыми воротами въ царство социализма, а лишь одной изъ ступеней длинной лѣстницы.

Это такъ... Но въ самый моментъ переворота рабочій классъ чувствуетъ себя главной революціонной силой, видитъ смятеніе и междоусобную войну въ станѣ своихъ враговъ капиталистовъ, видитъ, какъ ломается стоявшая передъ нимъ въ его борьбѣ съ гнетомъ эксплуатаціи преграда... И естественно, если въ такой моментъ передъ рабочимъ классомъ съ наибольшей яркостью встанетъ его историческая задача полного освобожденія человѣчества отъ гнетащаго его рабства, съ наибольшей яркостью встанетъ его задача — завоеванія *социализма*. И рядомъ съ этой задачей такими ничтожными, такими незначительными кажутся возможные плоды парламентской борьбы въ предѣлахъ буржуазнаго строя, при условіи сохраненія господства буржуазіи и рабства труда, что хочется отвернуться отъ этихъ задачъ, махнуть рукою на нихъ... Если у насъ достаточно силъ, чтобы свергнуть вооруженное съ ногъ до головы правительство, то неужели послѣ сверженія его мы остановимся передъ безоружными хищниками — капиталистами, для которыхъ до сихъ поръ правительство было главнымъ оплотомъ противъ насъ? Зачѣмъ станемъ мы проливать свою кровь за какую-то политическую свободу, при которой мы останемся такими же рабами, и по прежнему безработица, нищета и голодъ грозными призраками будутъ неотступно всю жизнь преслѣдовать насъ? Если бороться — такъ за полную свободу, за сверженіе всякаго рабства! Если пасть въ борьбѣ — такъ въ борьбѣ за социализмъ!

Вотъ тѣ мысли, которые подсказываетъ рабочему революціонная борьба, происходящая въ рамкахъ буржуазнаго строя. И требуется значительное развитіе классоваго самосознанія рабочихъ, глубокое пониманіе ими противорѣчій ихъ классовыхъ интересовъ съ интересами даже самой мелкой „трудовой“ буржуазіи, чтобы устояли они противъ обманнаго шепота этихъ мыслей...

И такимъ образомъ революція создаетъ среди рабочихъ

то настроеніе, которое больше всего благоприятствует развитію анархическаго максимализма.

И если революція создаетъ почву, воспримчивую къ *учению* максимализма, то не менѣе благодарную почву подготавливаетъ она и для развитія его *дѣйствія*, его *тактики*. Ибо тактика максимализма—насилственныя партизанскія дѣйствія, а возможны они лишь при дезорганизованности правительства, при накопленіи огромнаго озлобленія, граничащаго съ отчаяніемъ, на сторонѣ возставшихъ, при сочувствіи къ нимъ со стороны широкихъ массъ населенія, при глубокомъ паденіи авторитета старой власти. Революція создаетъ всѣ эти условия. А эти условия питаютъ практической анархизмъ.

IV.

Мы видѣли, что всякая политическая революція въ предѣлахъ капиталистическаго строя вызываетъ передъ рабочимъ классомъ вопросъ о социализмѣ, какъ вопросъ непосредственнаго революціоннаго дѣйствія. Таково положеніе, вытекающее изъ самаго характера буржуазнаго государства, таковъ историческій законъ, въ подтвержденіе котораго можно привести всѣ бывшія въ Западной Европѣ, въ теченіе XIX-аго вѣка, революціи.

Это положеніе, этотъ законъ остается въ силѣ и для Русской Революціи. Но *этой* революціи свойственны, кромѣ того, *особыя* черты, которыя заставляютъ пролетаріатъ съ особенной чуткостью прислушиваться, не раздается-ли сквозъ шумъ ея призывный громъ начинающагося социальнаго переворота.

Какъ очень тонко отмѣтилъ К. Каутскій, въ Русской Революціи пролетаріатъ играетъ роль, которой до сихъ поръ онъ не игралъ ни въ одной революціи: „здѣсь пролетаріатъ не представляетъ болѣе собой простаго придатка и орудія буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ буржуазныхъ революціяхъ, но является самостоятельнымъ классомъ съ самостоятельными революціонными цѣлями“. Больше того: „буржуазія даже не принадлежитъ къ движущимъ силамъ настоящаго революціоннаго движенія въ Россіи“. (К. Каутскій, „Движущія силы и перспективы русской революціи“). Главной движущей силой его является рабочий классъ. Рабочій классъ своей кровью запечатлѣлъ 9-го января начало русской революціи. Рабочій классъ сорвалъ Булыгинскую Думу, которую правительство пыталось остановить потокъ революціоннаго движенія. Въ дни великой октябрьской забастовки рабочий классъ, грозно скрестивъ руки на груди, потрясъ все зданіе старой Россіи. Въ декабрѣ рабочий классъ своей кровью запечатлѣлъ переходъ революціи въ послѣдній фазисъ—борьбу бы, въ фазисѣ вооруженныхъ возстаній. Пролета-

ріатъ далъ Русской Революціи основной демократическій лозунгъ ея—требованіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Рабочій классъ идетъ въ Русской Революціи впереди *всѣхъ* другихъ классовъ, переноситъ на своихъ плечахъ жесточайшіе удары врага. По *его* призыву, вслѣдъ за *нимъ* выступаютъ на борьбу другіе классы, другія силы.

При такихъ условияхъ сама революція подсказываетъ пролетаріату мысль о непосредственномъ, немедленномъ осуществленіи въ процессѣ ея своей полной программы, о превращеніи ея въ социальную революцію.

Эта мысль молчала въ то время, когда у пролетаріата въ его революціонной борьбѣ было безчисленное множество союзниковъ и, когда самъ пролетаріатъ вѣрилъ, что политическая свобода дастъ ему могущественное оружіе для дальнѣйшей борьбы за социализмъ.

Но явилась „конституція“, явилась „политическая свобода“... Въ тоже время отхлынули отъ пролетаріата назадъ всѣ его прежніе союзники. Онъ остался одинокимъ на своемъ революціонномъ посту, одинокимъ, съ тѣломъ покрытымъ язвами, съ глубокой ненавистью противъ своихъ торжествующихъ враговъ въ груди...

Такимъ застало пролетаріатъ развитіе въ Россіи анархо-максималистскаго движенія.

Почва для этого движенія была хорошо подготовлена. Сѣмена максималистскаго ученія частью сѣяла сама жизнь, частью они были посеяны раньше въ видѣ той идеологіи, которую распространяли среди пролетаріата социалисты-революціонеры. При такихъ условияхъ движеніе имѣло всѣ данныя для быстрого роста и развитія. И, дѣйствительно, оно растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ это можетъ казаться издали. Его силы не ограничиваются нѣсколькими брошюрками и двумя десятками кружковъ, которые носятъ официальное клеймо „Союза социалистовъ-революціонеровъ максималистовъ“. Вліяніе этого движенія сказывается въ замѣчаемомъ повсюду охлажденіи къ политикѣ рабочихъ, остающихся по прежнему социалистами; въ томъ, что пролетарскія массы, признающія по-прежнему политическое руководство социаль-демократіи, перестаютъ интересоваться ея политической литературой, ея политическими лозунгами. Это движеніе сказалося отчасти и въ отношеніи рабочихъ массъ къ выборамъ въ третью Думу, сказалося въ томъ, что этими выборами даже сознательные рабочіе почти не интересовались.

Вопросъ о томъ, къ чему рабочимъ политика, къ чему рабочимъ всѣ Государственныя Думы, къ чему имъ ихъ политическая партія, — съ небывалой остротой стоитъ въ настоящее время передъ пролетаріатомъ. Въ этомъ вопросѣ быть можетъ, скрывается сущность того явленія, которое многіе ошибочно принимаютъ за кризисъ въ нашей партіи.

А этот вопрос рѣшается лишь отчетливымъ выясненіемъ отношенія происходящей теперь въ Россіи революціи къ тому перевороту, къ которому устремлены всѣ помыслы пролетаріата, къ социальному перевороту.

Принимая обычное дѣленіе рабочей программы на *программу-минимумъ* (всѣ требованія, осуществимыя въ рамкахъ капиталистическаго строя) и *программу-максимумъ* (уничтоженіе капиталистическаго строя и установленіе социализма), мы можемъ сказать: съ небывалой остротой стоитъ теперь передъ пролетаріатомъ вопросъ объ отношеніи повседневной работы его партіи къ ея программѣ-максимуму.

Это и есть вопросъ о максимализмѣ.

Посмотримъ же, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ социаль-демократическое мировоззрѣніе

V.

Каково отношеніе происходящаго въ Россіи революціоннаго переворота къ освобожденію труда изъ-подъ гнета капитала, съ точки зрѣнія социаль-демократіи?

Среди социаль-демократовъ найдется не мало людей, которые считаютъ, что они *отвѣтили* на этотъ вопросъ, когда, презрительно пожавъ плечами, произнесли 4 хорошо заученныхъ слова: „Россія переживаетъ *буржуазную* революцію“. Въ этихъ словахъ для нихъ все—„законъ и пророки“. Этими словами разрѣшаютъ они всѣ тактическіе вопросы, опредѣляютъ отношеніе социаль-демократіи къ кадетамъ и прочимъ партіямъ на выборахъ, этими словами побиваютъ они большевиковъ и „родственныхъ“ имъ социалистовъ-революціонеровъ, этими же 4-мя магическими словами вскрываютъ они всю тщетность безмысленныхъ мечтаній максимализма.

Къ сожалѣнію, эти слова совсѣмъ не отвѣчаютъ на волнующій рабочихъ вопросъ, къ чему *имъ* проливать свою кровь въ происходящей теперь въ Россіи революціи, которая не дастъ имъ ничего, кромѣ новыхъ цѣпей. Ибо не можетъ же социалистъ расписывать рабочимъ тѣ молочныя рѣчки въ кисельныхъ берегахъ, которыя потекутъ въ „обновленной“ Россіи, при установленіи въ ней вполнѣ современнаго *буржуазнаго* строя на манеръ Пруссіи или Австріи.

Посему, какъ ни хорошъ своей простотой и законичностью приведенный отвѣтъ изъ 4 словъ, намъ представляется болѣе близкимъ къ вопросу и болѣе правильнымъ то опредѣленіе сущности и характера русской революціи, которое далъ К. Каутскій въ своей цитированной выше работѣ о движущихъ силахъ и перспективахъ Русской Революціи.

„Представляется“, пишетъ онъ, *немыслимымъ*, чтобы переживаемая Россіей революція привела теперь же къ водворенію въ Россіи социалистическаго способа производства... Но на этомъ пути насъ, можетъ быть, ждутъ нѣкоторыя неожиданности. Мы не знаемъ, какъ долго еще будетъ продолжаться русская революція, а по тѣмъ формамъ, которыя она въ настоящее время приняла, революція, повидимому, еще далека отъ своего конца. Мы не знаемъ, далѣе, какое вліяніе окажетъ она на Западную Европу, и какъ оплодотворитъ она тамъ пролетарское движеніе. Наконецъ, мы уже вовсе не можемъ знать, какъ обусловленная русской революціей завоеванія западно-европейскаго пролетаріата обратно отразятся на русскомъ пролетаріатѣ. Мы поступимъ правильно, поэтому, если освоимся съ мыслью, что мы идемъ тутъ навстрѣчу совершенно новымъ положеніямъ и новымъ проблемамъ, къ которымъ нельзя подходить ни съ однимъ изъ старыхъ шаблоновъ. Мы можемъ лучше всего отнѣнить правильно русскую революцію..., если мы будемъ ее разсматривать, какъ совершенно своеобразный процессъ, который свершается на рубежѣ буржуазнаго и социалистическаго общества, способствуетъ разрушенію перваго и подготовленію втораго, и, во всякомъ случаѣ, заставляетъ современное капиталистическое общество сдѣлать на пути его дальнѣйшаго развитія громадный шагъ впередъ“^{*)}.

Въ русской социаль-демократической печати не было сдѣлано сколь-нибудь серьезныхъ попытокъ опровергнуть или развить этотъ взглядъ вдумчиваго и глубокаго теоретика марксизма на историческій смыслъ происходящаго въ Россіи процесса.

Размѣры статьи не позволяютъ и намъ остановиться на этой характеристикѣ происходящаго въ Россіи переворота съ тѣмъ вниманіемъ, какою она заслуживаетъ. Мы отмѣтимъ лишь характерную особенность отзыва К. Каутскаго о характерѣ Русской Революціи: К. Каутскій опредѣляетъ Русскую Революцію *двумя отрицательными признаками*. Онъ считаетъ одинаково несомнѣннымъ: 1^о что происходящая въ

^{*)} Максималисты отмѣтили появленіе книжки К. Каутскаго, какъ доказательство двухъ положеній: 1) что социаль-революционеры максималисты не бѣгутъ впереди въ средѣ социалистовъ, и 2) что теченіе максимализма глубоко заложено въ русской революціи“. (Книгоиздательство „Молодое Теченіе“. „Воля Труда“ (Сборникъ статей). „Библиографія“, стр. 120). Въ действительности же совпаденіе взгляда К. Каутскаго на русскую революцію съ нѣкоторыми положеніями русскаго эсеровскаго максимализма доказываетъ не два положенія, а только одно: что марксизмъ, отвѣчая на серьезѣйшій вопросъ, поставленный русской революціей, не перестаетъ быть социаль-демократомъ и марксистомъ, а социаль-революционеръ, пытаясь отвѣтить на тотъ же вопросъ, приходитъ къ анархическому максимализму.

Россій революція не является социалистическим переворотом; 2° что эта революція не является только политическим переворотом.

Эти два отрицательных признака, какъ намъ кажется, должны быть безпорными для каждаго социаль-демократа. Въ самомъ дѣлѣ. Русская Революція не можетъ привести непосредственно къ установленію въ Россіи социалистическаго способа производства, и не можетъ сдѣлать этого по 3 причинамъ:

1° Въ Россіи еще далеко не созрѣли въ достаточной мѣрѣ необходимыя объективныя матеріальныя предпосылки социального переворота. Эти предпосылки имѣются лишь на лицо въ крупной индустриі, въ горной, металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Но совершенно отсутствуютъ въ сельско-хозяйственной промышленности и, главнымъ образомъ, въ взаимоотношении между городскимъ и деревенскимъ хозяйствомъ.

2° Въ Россіи не подготовлены еще и субъективныя, идеологическія предпосылки социального переворота. Не говоря уже о темной крестьянской массѣ, которой идея социализма совершенно чужда и не понятна, даже пролетариатъ, не прошедшій еще необходимой школы профессиональной борьбы, не способенъ взять въ свои руки управление общественнымъ производствомъ.

3° Силы, дѣйствующія въ Русской Революціи, не социальны. Въ этой революціи противъ стараго самодержавнаго строя выступаетъ пролетариатъ вмѣстѣ съ огромными массами городской и деревенской бѣдности. Какъ показали 1905 г. безъ поддержки этихъ союзниковъ пролетариатъ не можетъ побѣдить своего врага. А эти союзники поддержать рабочихъ лишь до сверженія самодержавія, до установления послѣдовательнаго народовластія, но пойдутъ противъ него при его попыткѣ низвергнуть самыя основы капиталистическаго строя.

Но, не приводя непосредственно къ установленію социалистическаго способа производства, Русская Революція не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ остаться только политическимъ переворотомъ, ибо въ ней, по самому характеру движущихъ силъ ея, заложено множество элементовъ *социально* сдвига и въ области земельныхъ отношений, и въ области муниципальнаго и государственнаго хозяйства и въ области взаимоотношений между трудомъ и капиталомъ въ промышленности.

1° Участіе въ ряду движущихъ силъ Русской Революціи многомилліонныя массы крестьянства дѣлаетъ неизбежною при побѣдѣ революціи грандіозную мобилизацію земельной собственности, которая кореннымъ образомъ повернетъ социальныя отношения въ сельскомъ хозяйствѣ. И поворотъ

этотъ произойдетъ не только въ направленіи замѣны феодальнаго землевладѣнія капиталистическимъ, но такъ же и въ направленіи сосредоточенія земельной собственности въ рукахъ демократически избранныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления.

2° Огромныя экономическія средства, сосредоточенныя теперь въ рукахъ правительства, при побѣдѣ революціи перейдутъ въ руки народа, и это повлечетъ за собой націонализацію цѣлага ряда отраслей народнаго хозяйства, желѣзныхъ дорогъ, крупнѣйшихъ горныхъ и лѣсныхъ промысловъ, громаднхъ металлургическихъ, механическихъ и другихъ заводовъ. А стачки, являющіяся основнымъ методомъ Русской Революціи, кризисъ и безработица заставятъ правительство, вынесенное на гребнѣ побѣдоносной революціи, еще болѣе расширить сферу народнаго хозяйства, которую государство, въ лицѣ его центрального и мѣстныхъ органовъ возьметъ въ свои руки.

3° Господствующее положеніе пролетариата въ ряду движущихъ силъ русской революціи въ моментъ побѣды, несомнѣнно, позволитъ рабочимъ добиться многого въ ихъ социально-экономической борьбѣ съ капиталомъ. И если не социалистическія, но до поры до времени союзныя пролетариату силы Русской Революціи не дадутъ рабочимъ осуществить всѣ ихъ стремленія, они не помѣшаютъ глубокому измѣненію социальныхъ отношений въ области индустриі. Возможно, что царяща въ промышленности безправіе труда и самодержавіе капитала уступятъ мѣсто той или иной формѣ ихъ конституціоннаго взаимодействія (въ видѣ заводскихъ комиссій изъ рабочихъ, контроля профессиональныхъ союзовъ надъ производствомъ и т. п.). И т. к. въ процесѣ политической революціонной борьбы социалистическая зрѣлость пролетариата растетъ безконечно быстрѣе, чѣмъ въ мирное, не революціонное время, то невозможно предсказать заранее, на какой чергѣ остановится его вторженіе въ ту область, гдѣ нынѣ безраздѣльно царитъ капиталъ.

Такъ отвѣчаетъ социаль-демократическій анализъ на вопросъ о социалистическихъ элементахъ Русской Революціи, объ отношеніи ея къ конечнымъ задачамъ рабочаго движенія, къ установленію социалистическаго строя.

И изъ этого пониманія природы Русской Революціи исходить революціонная социаль-демократія при опредѣленіи своей тактики.

VI

Социаль-демократу, стоявшему на послѣдовательно революціонной точкѣ зрѣнія, ясно, что Русская Революція принесетъ пользу рабочему классу лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ доведена до своего логическаго конца, до уста-

новления въ странѣ послѣдовательнаго народовластія. Побѣда Русской Революціи принесетъ полу-свободу народу. Полная побѣда Русской революціи не приведетъ съ собою царства социализма, но на значительную часть пути приблизитъ рабочихъ къ социалистическому строю.

И отсюда, именно, вытекаетъ стремленіе революціонной социаль-демократіи на протяжении всего хода Русской Революціи сохранить за пролетариатомъ роль вождя революціи, роль руководителя революціонныхъ массъ городской и деревенской бѣдноты.

При такомъ пониманіи революціонныхъ задачъ пролетариата нелѣпнымъ представляется призывъ максимализма отказаться отъ извѣстныхъ методовъ борьбы въ предѣлахъ еще не разрушеннаго буржуазнаго общества для того, чтобы сосредоточить всѣ силы на непосредственной борьбѣ за социальный переворотъ. Русская Революція идетъ въ рамкахъ буржуазнаго строя и непосредственно не посягаетъ на основы капитализма. На протяжении развитія этой революціи, борющіяся въ ней силы сталкиваются на всевозможныхъ позиціяхъ,—на митингахъ, въ словесныхъ схваткахъ, на баррикадахъ съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга, подъ сводами парламентскихъ учреждений въ борьбѣ за вліяніе на умы народныхъ массъ. Социаль-демократіи нужно, чтобы революція, которая не выдумана ею, но реально происходитъ въ Россіи, была доведена до конца, и къ этой цѣли она идетъ путемъ использованія *всѣхъ* представляющихся ей возможностей: митинги—такъ митинги, баррикады—такъ баррикады, Государственная Дума—такъ Государственная Дума. Всякое средство, которое можетъ упрочить положеніе пролетариата во главѣ Русской Революціи, можетъ углубить признаніе за нимъ этого положенія въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ, всякое такое средство должно быть использовано социаль-демократіей во имя ея конечныхъ цѣлей, во имя ея стремленія къ социализму.

За какую же часть своей программы призываютъ бороться рабочихъ социаль-демократы въ Русской Революціи? За программу—*минимумъ* или за программу—*максимумъ*? Какую изъ этихъ *двухъ* программъ надѣются осуществить они путемъ своего участія въ этой революціи?

Для социаль-демократіи, стоящей на послѣдовательно-революціонной точкѣ зрѣнія, этихъ вопросовъ не существуетъ, т. к. для нея нѣтъ противоположенія программы—*минимумъ* и программы—*максимумъ*, какъ *двухъ* различныхъ цѣлей рабочаго движенія. Для нея программа — *максимумъ* — это не максимальныя требованія пролетариата, а изображеніе объективнаго хода историческаго процесса, ведущаго къ смѣнѣ капиталистическаго строя социалистическимъ. Для нея программа—*минимумъ* — это не минимальныя требованія проле-

таріата, до выполненія которыхъ онъ не желаетъ успокоиться, а мѣстные, временныя требованія, изъ которыхъ пролетариатъ черпаетъ дѣйственные практическіе лозунги сегодняшняго выступленія. А повседневная борьба пролетариата противъ буржуазіи является для социаль-демократіи именно тѣмъ процессомъ, развитіе котораго закаляетъ силы рабочаго класса, подтачиваетъ силы капиталистовъ и приближаетъ такимъ образомъ время социальнаго переворота.

Этой борьбѣ посвящены всегда всѣ силы социаль-демократіи. Этой борьбѣ отдаетъ она свои силы и въ Русской Революціи. Но она не можетъ при этомъ опредѣлить заранѣе, какую часть своей программы удастся ей осуществить въ этой революціи: это опредѣлится въ самомъ ходѣ борьбы, опредѣлится не указкой теоретика, а реальнымъ соотношеніемъ борющихся силъ.

Во всякомъ случаѣ мы не отказываемся заранѣе отъ побѣды. Во всякомъ случаѣ, мы возьмемъ отъ революціи все, что она сможетъ дать намъ.

Если въ результатѣ Русской Революціи пролетариатъ и массы городской и деревенской бѣдноты окажутся у власти, то только реальныя преграды смогутъ помѣшать рабочимъ предпринять тѣ мѣры, направленные противъ капитализма, которыя были, напр., предприняты Парижской Коммуной.

Никакого добровольнаго ограниченія своихъ задачъ и цѣлей—одной только "программой-*минимумъ*" или "одной только" программой-*максимумъ* (какъ предлагаютъ социаль-революціонеры максималисты) революціонная социаль-демократія не знаетъ, какъ не знаетъ ихъ и основатель ея—Карлъ Марксъ.

На вопросъ о томъ, какія мѣры должны предлагать рабочіе при ближайшемъ революціонномъ подъемѣ, К. Марксъ отвѣчалъ въ 1850 г. въ извѣстномъ обращеніи Центрального Комитета Союза Коммунистовъ:

„Рабочіе, разумѣется, въ началѣ движенія еще не могутъ предлагать никакихъ коммунистическихъ мѣръ, но они могутъ:

1) Принуждать демократовъ возможно всестороннѣе вторгаться въ существующій общественный порядокъ..., а также сконцентрировать возможно больше производительныхъ силъ, перевозочныхъ средствъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. въ рукахъ государства.

2) Они должны предложенія демократовъ... превращать въ прямыя нападенія на частную собственность; такъ напримѣръ, если мелкіе буржуа предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, то рабочіе должны требовать, чтобы эти желѣзныя дороги и фабрики, какъ собственность реакціонеровъ, просто и безъ вознагражденія были конфискованы государствомъ. Если демократы предлагаютъ

пропорциональный налог, рабочие требуют прогрессивного; если демократы сами вносят предложение умеренного прогрессивного налога, рабочие настаивают на таком налоге, ставки которого возрастают так быстро, что крупный капитал при этом гибнет; если демократы хотят реализовать государственные долги, рабочие хотят государственного банкротства.

„... (Рабочие больше всего должны сдѣлать) для своей конечной побѣды тѣмъ, что будутъ просвѣщаться относительно своихъ классовыхъ интересовъ, займутъ... свою самостоятельную позицію, и ни на одно мгновение не дадутъ отвлечь себя отъ независимой организаціи партіи пролетаріата липемѣрными фразами демократическихъ мелкихъ буржуа. Ихъ боевымъ кличемъ должно быть: непрерывная революція (Revolution in Perpetuum)“. (К. Марксъ, „Кельнскій процессъ коммунистовъ“, издание „Молотъ“, стр. 116—117).

VII.

Для того, чтобы опредѣлить взглядъ социаль-демократіи на возможность осуществленія въ ходѣ Русской Революціи социаль-демократической программы—максимумъ, мы должны были начать съ выясненія взгляда социаль-демократіи на сущность и характеръ происходящаго въ Россіи революціоннаго процесса.

Социалисты-революціонеры, какъ извѣстно, идутъ съ другого конца и выводятъ свою программу и тактику не изъ изученія историческихъ силъ, а изъ глубины духа. Этимъ же путемъ идутъ и максималисты. И, прослѣдивъ внимательно ходъ мысли максималистовъ, мы увидимъ, что ихъ ученіе является лишь послѣдовательнымъ приложеніемъ эсеровскаго идеалистическаго ученія къ тѣмъ конкретнымъ условіямъ, въ которыя поставила Русская Революція рабочихъ.

Во главѣ угла всей теоріи максималистовъ, какъ и у всѣхъ социалистовъ-революціонеровъ, стоитъ идея человѣческой индивидуальности. „Краеугольнымъ камнемъ социальнаго философскаго ученія максимализма является трудовая личность“, говорится въ „Извѣщеніи“ объ образованіи Союза максималистовъ. „Если можно подвести историческій процессъ къ одному фактору, то только къ *человѣку*, къ его борьбѣ за индивидуальность“, пишетъ главный теоретикъ максимализма г. Таг—инъ. „Личность, ея интересы, ея полное, всестороннее и гармоническое развитіе ставятся нами выше всего“, говоритъ основатель Союза максималистовъ М. Соколовъ въ первыхъ же строкахъ своего доклада учредительной конференціи Союза.

Идеалистически возвеличивая личность, максималисты

столь же идеалистически отрицаютъ исторію. Т. к. исторія полна примѣровъ униженія личности, то максималисты ни чувтъ ей, исторіи, не вѣрятъ, призываютъ и рабочихъ не вѣрить ей, не полагаться на нее, а на мѣсто социаль-демократическаго объясненія историческаго процесса ставятъ идеалистическій порывъ *человѣческой воли*. „Вся исторія въ сущности есть исторія плутней и насилия эксплуататоровъ“ пишетъ Таг—инъ: „Вся культура пропитана потомъ и кровью трудового класса... Ростъ социального неравенства—это ужасная петля. Тѣ же, кто мечтаетъ на этомъ ростѣ обосновать и съ нимъ соразмѣрять борьбу, или глупцы или плуты... Бойтесь ихъ, рабочие и крестьяне. Это волки въ овечьихъ шкурѣ, если они дѣйствуютъ сознательно, это слѣпые вожди, увлеченные нелѣпой идеей, которые самые первые попадутъ въ яму и другихъ увлекутъ, если они искренни. Спѣшите, торопитесь, пока не ушло время, сбросить съ себя всѣ формы, уничтожить всѣ орудія эксплуатаціи. Не предавайтесь обманчивымъ иллюзіямъ. Въ нихъ могла не для буржуазіи, а для труда... Рабочему классу нѣтъ надежды на помощь стихійнаго процесса, т. к. нѣтъ никакого стихійнаго процесса, есть лишь процессъ, создаваемый эксплуататорами. Не „содержаніе“ прорветъ оболочку“, а классъ эксплуатируемыхъ, сознавши себя и свое положеніе, свернетъ могучей рукою гнетъ вѣковой навсѣгда и водрузитъ надъ землею царство Святого труда“. („Принципы трудовой теоріи“.)

И если такъ „раздѣливаетъ“ исторію и историческій процессъ главный теоретикъ максимализма въ своей „капитальной“ работѣ, то можно представить себѣ, какъ обращается съ исторіей болѣе мелкая максималистская литература.

Впрочемъ, въ оцѣнкѣ „личности“ и „исторіи“ максималисты не даютъ ничего новаго: они лишь повторяютъ въ болѣе выпуклой и яркой формѣ то, что ужъ давно до нихъ говорили социалисты-революціонеры и всѣ вообще сторонники, т. н. „народническаго“, субъективно-идеалистическаго мировоззрѣнія.

Путь максималистовъ не расходится ничуть съ путемъ теоретиковъ социалистовъ-революціонеровъ и тогда, когда они подходятъ къ изученію тѣхъ силъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являются движущими силами социалистическаго перелома. Такъ же, какъ и социалисты-революціонеры, максималисты рекомендуютъ не преувеличивать социалистической сознательности рабочаго класса. Вполнѣ игнорируя исторію, слѣдуя болѣе указанію чувства, максималисты болѣе надежды возлагаютъ на крестьянство: „Не только степень эксплуатаціи крестьянина выше, но и формы выколачиванія грубѣе, оскорбительнѣе, ничинѣе“, пишетъ Таг—инъ, и

сейчас в доказательство своего презрѣнія къ исторіи прибавляетъ: „Именно этимъ отчасти, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить большую революціонность крестьянства въ Венгріи, Итали, Испаніи, Россіи, чѣмъ пролетаріата“...

Но вѣра въ стремленіе каждой человѣческой личности къ совершенному и гармоническому развитію, максималисты, вслѣдъ за другими идеалистами, приходятъ къ включенію въ социалистическую армію и множества промежуточныхъ элементовъ, какъ-то: домашней прислуги, босяковъ, всевозможныхъ паразитовъ, интеллигенціи, вообще—всѣхъ группъ „трудового“ класса: „Правильно понятыя интересы человѣческой индивидуальности, общность основныхъ интересовъ труда“, пишетъ Таг—инъ, „могутъ спаять всѣ трудовыя группы и лучшихъ (очень немногихъ) людей другого класса въ единую могучую социалистическую армію—огромное большинство въ населеніи каждой страны“.

Все дѣло только въ томъ, чтобы „человѣческія личности“ поняли свои „основныя“ интересы... Въ дѣйствительности этого нѣтъ. Но такъ какъ идеалисты въ исторію и дѣйствительность вѣрятъ меньше, чѣмъ въ личность, то понятно, что ничто не можетъ заставить ихъ усумниться въ надежности ожидаемой ими „единой могучей социалистической арміи“.

При болѣе детальномъ перечисленіи и социалистическихъ силъ Русской Революціи максималисты точно такъ же почти слово въ слово повторяютъ обычныя самовосхваленія социалистовъ-революціонеровъ. Развѣ не изъ эсэровской литературы взяты, напримѣръ, такія черты перечисленія силъ Русской Революціи: „На сторонѣ социалистическихъ партій находится и всероссійскій желѣзнодорожный союзъ. Это—сила огромная, могучая, сослужившая уже службу дѣлу революціи. Какъ политическая сила, желѣзнодорожный союзъ при крѣпкой организаціи и сильной сплоченности непобѣдимъ... (Это писано въ 1907 г., когда отъ союза, по признанію его бывшихъ дѣятелей, оставалось только полузабытое названіе, да печать, затерявшаяся между синими папками въ какомъ то правленскомъ шкафу). „На лицо имѣется трудовое крестьянство, часть котораго организована партіей с.-р., всероссійскимъ крестьянскимъ союзомъ и трудовой группой“ (это написано въ томъ же 1907 г., когда всероссійскій крестьянскій союзъ существовалъ только на бумагѣ, а трудовая группа сама утверждала, что у нея не только нѣтъ никакой массовой организаціи, но нѣтъ даже сколько-нибудь надежныхъ связей съ крестьянами!) Или вотъ еще: „Нѣтъ сомнѣнія, что стихійность, неорганизованность въ крестьянскомъ движеніи велика, но съ каждымъ днемъ партія с.-р. и другія, работающія въ деревнѣ, вносятъ все больше сознательности и планомерности въ ходъ событий; число организованныхъ все

растеть, они булятъ и увлекаютъ массу, они вдыхаютъ въ движеніе революціонный духъ, который охватываетъ все большія и большія массы; они распространяютъ получаемыя отъ партій дерективы и подчиняютъ все движеніе руководству партій, и т. д., и т. д.“ *) (Писано все въ томъ же 1907 г., когда крестьянское движеніе переживало глубокой упадокъ и было такъ стихійно и безсознательно, какъ никогда).

Таково отношеніе социалистовъ-революціонеровъ максималистовъ:

- 1) къ человѣческой личности,
- 2) къ исторіи,
- 3) къ движущимъ силамъ социалистическаго переворота,
- и 4) къ движущимъ силамъ Русской Революціи.

Таковы предпосылки, на которыхъ строятъ максималисты программу своей дѣятельности въ Русской Революціи и свою тактику. Эти предпосылки у нихъ общія съ социалистами-революціонерами, которыхъ они называютъ *минималистами*. Но выводы, которые дѣлаютъ тѣ и другіе изъ этихъ общихъ предпосылокъ, получаются различныя.

VIII.

Максималисты считаютъ, что условія Русской Революціи крайне благоприятны для совершенія социальнаго переворота. „Сколько силъ разовьетъ революція, ни одинъ мудрецъ не можетъ предсказать заранѣе. Не забота борцовъ намѣчать, ставить заранѣе предѣлы возможнаго, достижимаго, заниматься такъ называемой реальной политикой... Не наше дѣло звать на борьбу за возможное, хотя бы и желательное въ цѣляхъ достиженія должнаго“, говоритъ Таг—инъ, и дальше поясняетъ: „Должное—это программа—максимумъ, возможное и желательное—программа-минимумъ“. И изъ глубины духа почерпая оцѣнку „должнаго“, съ одной стороны, „возможнаго и желательнаго“, съ другой, онъ, вполне последовательно съ идеалистической точки зрѣнія, приходитъ къ полному отрицанію программы-минимумъ: программа-минимумъ оказывается не только ненужной для максималиста, но ненавистной ему: „Было бы легкомысленнымъ и измѣной, буржуазнымъ предательствомъ требовать *частичнаго* урѣзванія всѣхъ орудій эксплуатаціи... ограничиваться частичными требованіями, когда силы даже еще не выяснились; было бы чудовишно гибельнымъ для дѣла революціи требовать полнаго уничтоженія одного или двухъ орудій эксплуатаціи и оставлять остальныхъ... Программа-минимумъ, какъ платформа,—обманъ и измѣна, когда весь трудъ вынужденъ

*) Сборникъ „Воля Труда“, стр. 14, 18, 10—11.

поднять тяжелый свой кулак против всѣхъ эксплуататоровъ."

Въ этомъ и заключается первое значительное расхождение максималистовъ и прочихъ социалистовъ-революционеровъ: социалисты-революционеры признаютъ и *должное* (программу-максимумъ) и *желательное и возможное* (программу-минимумъ); максималисты считаютъ выставление программы-минимумъ „обманомъ и измѣной“ и ограничиваются выставленіемъ одной только программы-максимумъ.

Вмѣсто лозунга—„Демократическая республика“, подъ которымъ выступаютъ въ русской революціи социалисты-революционеры, максималисты выдвигаютъ свой лозунгъ—„Трудовая республика“.

„Трудовая республика“ характеризуется тѣмъ, что въ ней „вся власть, вся земля, всѣ фабрики, заводы, все, что служить въ рукахъ частныхъ лицъ источникомъ порабощенія, должно перейти въ руки всего трудящагося народа для общаго пользования, для общаго блага“ („Прямо къ цѣли“). Это еще не социализмъ, такъ какъ въ рамкахъ Трудовой республики необходимо будетъ еще организовать на социалистическихъ началахъ производство и распределение. Но это первоначальная форма осуществленія социализма, и изъ нея социализмъ долженъ развиваться естественнымъ путемъ, безъ дальнѣйшихъ революціонныхъ переворотовъ.

Обосновать свое требованіе „Трудовой республики“ максималистамъ нетрудно. Максималистъ для обоснованія своей программы обращается не къ исторіи, а къ личности. „Демократическая или трудовая республика?“ прямо вопрошаетъ авторъ агитационной брошюрки „Прямо къ цѣли“. „Скажи, трудовая, автономная личность, что тебѣ болѣе по сердцу?“ И, само собою разумѣется, что каждый рабочий, чувствующій свои интересы и стоящій на социаль-революціонной субъективно-идеалистической точкѣ зрѣнія, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отказомъ отъ демократической республики, такъ какъ для него должно быть ясно, что трудовая республика во всѣхъ отношеніяхъ ему выгоднѣе и удобнѣе.

Но, можетъ быть, трудовая республика сейчасъ недостижима? Ничуть! Въдѣ буржуазія, классъ эксплуататоровъ, все равно, будетъ напрягать всѣ свои силы въ борьбѣ противъ урѣзанныхъ требованій „трудоваго народа“ точно такъ же, какъ противъ его полныхъ и неурѣзанныхъ требованій! Въдѣ на сторонѣ требованія Трудовой республики стоятъ все тотъ же „трудоваго народъ“, который теперь, подѣ руководствомъ своихъ слѣпыхъ вождей требуетъ демократической республики! Въдѣ на сторонѣ социализма въ русской революціи стоятъ пролетаріатъ, интеллигенція и трудовое крестьянство, „часть котораго организована пар-

тій с.-р., крестьянскихъ союзомъ, трудовой группой!“ Въдѣ на сторонѣ социализма стоитъ, наконецъ, и такая могущественная сила, какъ Всероссійскій желѣзнодорожный союзъ!

При такихъ условіяхъ бороться *только* за демократическія требованія и упустить возможность водворить въ Россіи Трудовую республику было бы верхомъ нелѣпости. И вполне послѣдователенъ максималистскій поэтъ, когда онъ обращается ко всѣмъ своимъ братьямъ, ко всему трудовому народу съ „Призывомъ пѣвца“:

„Какъ? Кровь свою пролить, чтобъ послѣ торжествуя
Надъ міромъ властвовать упитанный банкиръ?
И царскій гнетъ сломить, *обратъ*, призову я,
Чтобъ торгашамъ отдать, завоевавши, міръ?“

Такой призывъ съ точки зрѣнія максимализма быть бы безуміемъ и измѣной. И максималистъ бѣжитъ отъ всего, что похоже на такое безуміе, на такую измѣну. Онъ отвергаетъ все, что не есть непосредственно борьба за программу-максимумъ, за социальный переворотъ. Въ частности, онъ рѣшительно отвергаетъ какую бы то ни было парламентскую дѣятельность въ рамкахъ буржуазнаго строя. Въдѣ „эта дѣятельность, не принося никакихъ положительныхъ результатовъ рабочему классу, не приближаетъ момента освобожденія труда, а служитъ лишь разрядникомъ сгущающейся атмосферы недовольства и злобы, накапливающейся въ рабочемъ классѣ“. Такимъ образомъ максималисты приходятъ къ объявленію бойкота всѣмъ парламентскимъ учрежденіямъ въ рамкахъ буржуазнаго строя и, само собою понятно, къ объявленію бойкота всѣмъ Россійскимъ Государственнымъ Думаемъ.

Таковы главныя особенности максималистской программы, главныя особенности пониманія максималистами своихъ задачъ въ Русской Революціи.

1) Отрицаніе программы — минимумъ и признаніе, что только программа — максимумъ (социальный переворотъ) можетъ быть выставлена знаменемъ революціонной борьбы.

2) Отказъ отъ „демократической республики“, какъ лозунга Русской Революціи, и постановка вмѣсто нея новаго лозунга—„трудоваго республики“ (социальнаго переворота).

3) Отказъ отъ участія въ какихъ бы то ни было парламентскихъ учрежденіяхъ въ рамкахъ буржуазнаго строя вообще и во время Русской Революціи, въ особенности.

Этимъ программнымъ особенностямъ максимализма способствуютъ и особенности его тактики.

Учредительная Конференція Союза максималистовъ вынесла довольно расплывчатую резолюцію о тактикѣ максималистовъ, введя въ нее и стачки, и бойкоты, и терроръ, и пропаганду, и организацію союзныхъ группъ и т. д. и т. д. Короче, въ эту резолюцію вошли *все* методы борьбы—отъ

самых мирных до самых революционных. Но это не значит, чтобы у максимализма не было своей излюбленной тактики, тѣсно спаянной со всей его программой, со всѣмъ его мировоззрѣніемъ.

Центральное мѣсто въ идеалистическомъ мировоззрѣніи максималистовъ занимаетъ активная личность, борющаяся за развитие своей индивидуальности. И, въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, основой максималистской тактики являются *активные индивидуальныя* выступления. Лучшей формой борьбы съ правительствомъ и съ эксплуататорами максималисты считаютъ безпощадную и слѣдную *партизанскую войну*. „Партизанская война, обращение страны въ непріятельскій лагерь, гдѣ не дается ни минуты покоя эксплуататорамъ (а не ихъ слугамъ по невѣжеству) и, прежде всего, наиболѣе виднымъ представителямъ ихъ—лучшій способъ борьбы“, говоритъ Таг—инъ: „Когда началась война, когда вся страна раздѣляется на два воюющихъ лагеря, не время разсуждать. Нужно, наоборотъ, уничтожить все, что стоитъ на пути, используя каждый случай, уничтожая всякую живую или мертвую опору эксплуатаціи и то, что служить базисомъ для ея дѣйствій или можетъ пригодиться эксплуататору въ его борьбѣ съ трудомъ“.

Это наиболѣе крайняя формула практическаго анархизма. И рядомъ съ ней уже менѣе характернымъ представляется сочувственное отношеніе максималистовъ ко всевозможнымъ казеннымъ и частнымъ экспроприациямъ „въ цѣляхъ пополненія кассъ“ революціоннаго народа.

Нужно отмѣтить еще, что проявленіе русскаго максимализма въ рядѣ разрозненныхъ выступленій „одиночекъ—героевъ“, производившихъ столь яркое впечатлѣніе на любовавшуюся ими „толпу“, не было случайностью. Не случайно вся дѣятельность максималистовъ вылилась въ покушенія и экспроприаціи, а практическимъ лозунгомъ максималистовъ стало не „Прямо къ цѣли“, а „Руки вверхъ!“ Индивидуальныя выступления всего болѣе соотвѣтствовали индивидуалистическому мировоззрѣнію максимализма. А тѣ условия Русской Революціи, которыя создали почву для развития анархическаго *ученія*, создали вмѣстѣ съ тѣмъ почву для пышнаго расцвѣта анархическаго *дѣйствія*.

IX.

Мы познакомились теперь съ тѣми выводами, которые дѣлаютъ максималисты изъ предпосылокъ своего идеалистическаго мировоззрѣнія. Но эти предпосылки у нихъ общія съ социалистами-революционерами. Почему-же социалисты-революционеры „минималисты“, исходя изъ того же пониманія роли личности, значенія исторіи и пр. и пр., приходятъ къ другимъ выводамъ.

Какъ извѣстно, социалисты-революционеры рядомъ съ программой-максимумъ признаютъ такъ же программу—минимумъ. Русскую Революцію они не считаютъ возможнымъ превратить въ социальный переворотъ и лозунгомъ ея выставляютъ *демократическую*, а не *трудоую* республику. Соціализаціи фабрикъ и заводовъ социалисты-революционеры не требуютъ, ограничиваясь лишь требованіемъ социализаціи земли. Отъ участія въ парламентахъ въ рамкахъ буржуазнаго строя они не отказываются и даже участвовали (правда, крайне неудачно, но все же участвовали) во второй Государственной Думѣ. Наконецъ, при всей своей склонности къ индивидуальнымъ активнымъ выступлениямъ, они не ограничиваются только этимъ, но признаютъ такъ же необходимость развитія массовой и не только партизанской борьбы.

Таковы главныя пункты разногласія социалистовъ-революционеровъ-минималистовъ и социалистовъ-революционеровъ-максималистовъ. И эти пункты разногласія настолько существенны, что максималисты и минималисты стоятъ другъ противъ друга непримѣримыми врагами, и полемика между ними носить далеко не товарищескій характеръ. Обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ грубой демагогіи, въ измѣнѣ, въ предательствѣ, въ попыткахъ сбить рабочихъ съ ихъ вѣрнаго и прямого пути. Но самый горячій споръ идетъ въ минималистско-максималистской полемикѣ вокругъ вопроса о томъ, которое изъ этихъ двухъ развѣтлений социаль-революціонной мысли послѣдовательнѣе и правильнѣе развиваетъ идеи народническаго мировоззрѣнія. Минималисты (Черновъ, Вадимовъ и др.) доказываютъ, что максималисты ничего не поняли въ ученіи Михайловскаго и Лаврова, что они кощунственно вульгаризируютъ и компрометируютъ его, что ихъ взгляды заимствованы ими изъ совершенно чуждаго мировоззрѣнія и являються лишь блѣдной и уродливой копіей съ западно-европейскаго анархизма. Максималисты не остаются въ долгу и заявляютъ, что именно они являются прямыми послѣдователями школы активнаго прогресса, субъективной телеологіи, а с.р. внесли сюда обильную дозу марксизма, отчего и получилась у нихъ весьма противорѣчивая философская поэмѣсь. (Сбор. „Воля Труда“, стр. 73).

Кто правъ въ этомъ спорѣ максималистовъ съ минималистами?

Намъ представляется, что правы въ этомъ спорѣ максималисты. И не даромъ ихъ полемика противъ социалистовъ-революционеровъ столь выгодно отличается отъ статей ихъ противниковъ, сдержаннымъ, серьезнымъ характеромъ, стремленіемъ спорить по существу, а не препираться о словахъ и названіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Стоя на субъективной, идеалистической точке зрѣнія, нельзя не признать, что максималисты своей критикой „должнаго“ и „возможнаго“, какъ платформъ активной борьбы, свели къ абсурду эсеровскую программу-минимумъ. Если все зависитъ отъ творческихъ силъ личности и отъ активной воли ея, то, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ оснований урѣзывать и ограничивать программу борьбы какими-то ни было временными и мѣстными соображеніями „возможнаго и достижимаго“.

Если принять эсеровскую теорію социалистичности „трудоваго крестьянства“, то приходится согласиться съ максималистами въ ихъ требованіи превратить Русскую Революцію въ социальный переворотъ. Ибо, если на сторонѣ революціи всѣ „трудящіяся массы“, и если эти массы всѣ заинтересованы въ социальномъ переворотѣ и проникнуты стремленіемъ къ социализму, то бессмысленно останавливаться на половинѣ дороги и вводить демократическую республику, когда такъ же легко воздвигнуть на развалинахъ самодержавія трудовую республику.

Если личность свободно творитъ свои идеалы и выбираетъ пѣль, за которую ей бороться, то, конечно она должна предпочесть трудовую республику демократической.

Если можно дать крестьянамъ социализацію земли, то нельзя привести ни одного сколько нибудь серьезнаго довода противъ социализаціи фабрикъ и заводовъ. Выставивъ почти полу-социалистическую *артирную* программу, нельзя ничего серьезнаго возразить противъ социалистической программы преобразования *промышленности*.

Наконецъ, признавъ всѣ программные выводы, которые дѣлаетъ максимализмъ изъ эсеровскихъ философскихъ предпосылокъ, придется согласиться и съ тактическими его выводами, придется отказаться отъ половинчатости эсеровскаго отношенія къ парламентаризму вообще и къ Государственнымъ Думамъ въ частности, придется довести до логическихъ предѣловъ и эсеровскую партизанскую тактику.

Необходимо, слѣдовательно, признать, что въ спорахъ максималистовъ съ минималистами, правда и логика на сторонѣ первыхъ. Больше того: пытаясь отвѣтить на наиболѣе острые вопросы Русской Революціи, социалистъ-революционеръ неминуемо долженъ прийти къ анархическому максимализму. Если онъ останавливается на полдорогѣ, то болѣе послѣдовательный максималистъ можетъ легко уличить его въ измѣнѣ интересовъ рабочаго класса. Ибо какъ же иначе опредѣлить *нежеланіе* человека бороться за Трудовую Республику? Какъ иначе опредѣлить *нежеланіе* его допустить социализацію фабрикъ и заводовъ постѣ того, какъ будетъ произведена социализація земель?

И можно отчасти отмѣтить *классовый* характеръ споровъ между максималистами и минималистами.

Эсеровская идеологія, лежащая въ основаніи обоихъ теченій, была создана задолго до начала Русской Революціи промежуточными слоями русской интеллигенціи. Въ интеллигенціи былъ всегда главный оплотъ мелко-буржуазной идеалистической философіи. Но, пытаясь связать свою историческую судьбу съ судьбой другихъ болѣе прочныхъ общественныхъ классовъ, интеллигенція всегда старалась среди этихъ классовъ распространить свою идеологію. Русская эсерствующая интеллигенція понесла свои идеалы въ „народъ“, въ крестьянскую и рабочую среду. Въ деревнѣ эта идеологія довольно хорошо правилась мѣстнымъ болѣе развитымъ въ политическомъ отношеніи элементомъ, такимъ же между-классовымъ, какъ русская интеллигенція. Въ рабочей средѣ эта идеологія не нашла отклика, и только въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ, благодаря усиленной работѣ эсеровской учащейся молодежи социалистамъ-революционерамъ удалось приобрести извѣстное вліяніе на рабочее движеніе.

Но, опираясь, главнымъ образомъ, на интеллигенцію, социалисты-революционеры не переставали все время мечтать объ объединеніи трехъ различныхъ элементовъ: *пролетариата, трудового крестьянства и интеллигенціи*. И можно было заранее предсказать, что это объединеніе будетъ не долговременно, т. к. у каждой изъ этихъ трехъ группъ была своя дорога въ Русской Революціи. Для *пролетариата* на первомъ планѣ стояли его *соціальные* требованія: Русская Революція должна была расчистить ему путь къ *социализму*. Для *крестьянства* важнѣе всего были его *экономическія* требованія: Русская Революція должна дать ему столь необходимую для правильнаго веденія хозяйства *землю*. Наконецъ, *интеллигенція* наибольшее значеніе придавала своимъ *политическимъ* требованіямъ: Русская Революція должна была дать ей столь необходимую для развитія культуры *свободу*.

Итакъ, классовые интересы намѣчали 3 различныя дороги пролетарскимъ, крестьянскимъ и интеллигентскимъ группамъ, объединеннымъ эсеровской идеологіей. До извѣстнаго пункта они могли идти вмѣстѣ, но рано или поздно они должны были придти на распутиѣ и пойти въ разныя стороны.

На такое распутиѣ и пришли социалисты-революционеры въ 1906 г. Различные классовые элементы, примыкавшіе къ нимъ, разъѣзжались въ разныя стороны. Эсеровская интеллигенція оказалась вовсе не эсеровской, а *народно-социалистической*. Эсеровское крестьянство оказалось ничуть не эсеровскимъ, а *трудоовическимъ*. Эсеровскіе пролетаріи оказались совсѣмъ не эсерами, а *максималистами*.

И каждое теченіе передѣлало субъективно-идеалистиче-

ское эсеровское мировоззрение на свой лад, сблало из него те выводы, которые диктовались его классовыми интересами.

Мирная, культурная *интеллигенция*, шедшая когда-то за эсерами, сохранила свой политический радикализм в рамках легальности—и жиденький, прежиденький социализм в духе французских социалистов-радикалов. Таковы русские социаль-народники.

Темное, измученное *крестьянство*, на руководство которым когда-то претендовали эсеры, отчетливо подчеркнуло лишь свое требование земли, обнаружив во всем остальном безнадёжную путаницу самых противоречивых лозунгов и настроений. Таковы трудовики.

А *рабочие*, которым эсеровская интеллигенция привила когда-то свою мелко-буржуазную субъективную идеологию, оказались бессильными в свете ее выяснить себе вопрос о социализме в Русской Революции, и были подхвачены анархическим течением. Таковы максималисты.

X.

Мы можем теперь *оценить* значение максималистского движения в Русской Революции и определить наше отношение к нему.

Наибольшее практическое значение имеют две особенности максимализма: его отказ от парламентской деятельности и его своеобразная партизанская тактика.

Отказ максимализма от парламентской деятельности является отказом от использования арены, которая может быть использована пролетариатом и в интересах происходящей в России революции, и в интересах удержания за собой необходимого руководящего положения в этой революции, и в интересах сплочения своих сил для классовой борьбы за социализм. Поэтому, к этой черте максимализма необходимо отнестись так же отрицательно, как отрицательно относится *всегда* социаль-демократия к анархической проповеди отказа от использования парламентов. Нужно помнить при этом, что слишком часто отказ рабочих от *парламентаризма* означает отказ от *политики*, а отказ от *политики* в революционный период часто превращается в отказ от *революции*. Русская Революция, которая идет под лозунгом демократической республики не нравится максималистам, как вообще не нравится история последователям субъективно-идеалистического мировоззрения. Но пролетариат должен идти во главе этой революции, и социаль-демократы должны энергично бороться с попытками максималистов помешать ему идти этим путем.

Так же энергично должна бороться социаль-демократия и с партизанской тактикой, рекомендуемой максималистами.

Революционная социаль-демократия сама не отказывается от методов партизанской войны. И там, где всего успешнее применялась до сих пор эта тактика (в Прибалтийском крае, на Кавказе), она применялась именно под руководством социаль-демократии. Употребление силы, употребление оружия, когда является в том надобность, так же мало пугает революционных социаль-демократов, как и максималистов.

Но когда максималисты предлагают уничтожить „всюкую (!) живую или мертвую (!) опору эксплуатации и то, что служит базисом для ее действий или может (!) пригодиться (!) эксплуататору в его борьбе с трудом“, социаль-демократы должны энергичнейшим образом протестовать против подобной проповеди, ибо она является не революционной тактикой, а бредом человека, утратившего душевное равновесие. Такому человеку необходимо настойчиво напомнить старую истину: „Кулак—вещь хорошая, но нужно, чтобы и в голове было ясно“.

Когда максималисты, подражая в мелочах своим „героям“, превращают партизанскую войну в грабежи, мародёрство по лавкам и т. п., социаль-демократы должны энергичнейшим образом бороться против отождествления подобного рода подвигов с революционной борьбой. Ибо подобная действия компрометируют революцию, деморализуют революционную армию, укрепляют положение реакции.

Когда максималисты стараются превратить безработных в своих партизанских борцов, толкая их, таким образом, на путь практической анархии, путь, на котором они неминуемо должны погибнуть, социаль-демократы должны с этим бороться. Ибо этой тактикой максималисты губят бесплодно те силы, которые могут быть употреблены на пользу революции.

Когда максималисты выступают со своей проповедью подвигов „одиночек-героев“, этой проповеди социаль-демократы должны противопоставить свою революционную идеологию. Ибо проповедь максималистов способна, быть может, превратить в „героев“ десяток—другой сознательных пролетариев, но за то остальную массу она стремится превратить в „толпу“,—пассивную, не способную ни к какому выступлению, поглощенную любованием подвигами и страданием „героя“.

И во всех случаях максималистскому пониманию партизанской борьбы революционная социаль-демократия должна противопоставить свое понимание этой тактики, Максималистскому идеалистическому культу красоты подвига героини

ческой личности социаль-демократы должны противопоставить свою идею плесобразности массового революционного действия.

Резюмируемъ:

Максимализмъ есть революціонно-анархическое течение рабочаго движенія, порожденное тѣмъ, что Русская революція ребромъ ставитъ передъ рабочими вопросъ о максимализмѣ, вопросъ, на который социаль-революціонное мировоззрѣніе не можетъ отвѣтить вовсе или же отвѣчаетъ, пресращаясь въ идеологию анархизма.

По своимъ практическимъ результатамъ максимализмъ представляетъ изъ себя въ Русской Революціи явленіе отрицательное, противъ котораго революціонная социаль-демократія должна энергично бороться.

Какъ должна вестись эта борьба?

Социаль-демократы должны углублять въ сознаніи пролетариата пониманіе социалистическихъ элементовъ происходящаго въ Россіи революціоннаго переворота и тѣхъ революціонныхъ задачъ, въ этомъ переворотѣ, которыя стоятъ передъ пролетариатомъ.

Максималистскому отрицанію парламентарской борьбы социаль-демократы должны противопоставлять свою теорію использования парламентарскихъ учреждений въ интересахъ революціи. Максималистской проповѣди слѣпой анархической партизанской войны социаль-демократы должны противопоставлять свое пониманіе революціонной тактики.

А главнымъ образомъ и прежде всего:

Разсматривая максималистское ученіе, такъ лучшее доказательство того, что субъективно-идеалистическое мировоззрѣніе социаль-революціонеровъ не можетъ служить идеологіей социалистическаго пролетариата, не приводя его къ анархизму, социаль-демократы должны усилить свою борьбу съ социалистами-революціонерами въ средѣ пролетариата.

Сергій Петровъ.

Потомки Митрофана Простакова.

Г-жа Простакова. Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестаешь. Митрофанъ. А по мнѣ и по давно.

Прибалт. Вральманъ. Какъ путо ны росскии тфорянивъ ушь и не могъ фъ серфѣтѣ анаксировать пезъ россиской крамать!

Давно уже въ Россіи не было такой ясности отношеній между правящими и управляемыми, между „командующими“ классами и „народомъ“. Теперь мы знаемъ — и знаемъ изъ самыхъ авторитетныхъ источниковъ, — что государство російское существуетъ ради пользы и удобства 130.000 привилегированныхъ благородныхъ собственниковъ; что для ихъ удовольствія свѣтитъ солнце, поютъ птички, а главное, собираются народныя деньги и содержатъ сонмъ солдатъ, пулеметовъ, пушекъ и прочихъ даровъ культуры. Непреложные законы природы выдѣлили изъ всероссійскаго поддѣлика наверхъ благородные сливки, и этотъ естественно-историческій фактъ былъ закрѣпленъ „конституціей 130.000“, утвержденной 3 июня 1907 г. послѣ Р. Хр.

Но не подумайте, что какіе нибудь низменные страсти, или коварство, или насилие вознесли надъ „народомъ“ сей командующей классъ — о нѣтъ! Единственное, что поставило его въ главу угла російской государственности, что сдѣлало его солью земли, это — его высокая культурность. Дворянство — исконный носитель культуры на Руси. Такъ говорить, по крайней мѣрѣ, господинъ Столыпинъ, представитель правительственной власти, но такъ же говорить и представитель „народной свободы“, — депутатъ 1-й Думы господинъ Бородинъ^{*)}. А если російская культура держится на дворянахъ,

*) Государственная Дума въ цифрахъ. СПб. 1906 г.

въ Австраліи живутъ китайцы, индусы, ассирійцы, канаки и японцы; въ нѣкоторыхъ центрахъ цвѣтное население составляетъ даже большинство и является повсюду, во всякомъ случаѣ, такимъ значительнымъ факторомъ, съ которымъ нельзя не считаться.

Въ сахарномъ производствѣ предприниматели даютъ работу почти исключительно канакамъ, которые являются юридически „свободными рабочими“, а фактически—рабами въ буквальномъ смыслѣ слова. Такъ напримѣръ, нанимаясь, они обязуются за перевозку съ острововъ работать не меньше 3-хъ лѣтъ на своего работодателя, фактически — рабовладельца. То же относится къ китайцамъ, занятымъ на разведеніе банановъ. Въ качествѣ вознагражденія они получаютъ 1 руб. 10 коп. въ недѣлю, пишу, жилье и двѣ смѣны платья. Пища—самая жалкая: $\frac{3}{4}$ ф. хлѣба и по $\frac{1}{4}$ ф. мяса. Весь образъ жизни — ужасный. Работы же изъ нихъ выколачивается масса.

Бѣлымъ рабочимъ такимъ образомъ составляется серьезная конкуренція. Предприниматели всегда стараются пользоваться болѣе дешевыми и болѣе покорными цвѣтными рабочими, постоянно пускаютъ ихъ въ ходъ при стачкахъ и другихъ конфликтахъ.

Отсюда—вражда рабочихъ къ своимъ собратьямъ и лозунгъ „Австралія для бѣлыхъ“, ничего общаго съ дѣйствительнымъ социализмомъ, конечно, не имѣющей.

Профессиональная организація рабочихъ Австраліи развита чрезвычайно слабо. Ею до сихъ поръ пренебрегали, и теперь это очень вредно отзывается на рабочемъ движеніи.

Въ теченіе одного года рабочая партія имѣла власть въ общей палатѣ депутатовъ. Премьеръ-министръ Daglish объявлялъ себя социалистомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ на дѣлѣ выступалъ постоянно защитникомъ существующаго строя, который, по его мнѣнію, нужно только нѣсколько реформировать, улучшивъ бытъ рабочихъ.

Въ южной Австраліи премьеромъ и сейчасъ является рабочій депутатъ Tom Price. Изъ рабочихъ депутатовъ Австраліи и сейчасъ не меньше половины представляютъ собою типъ прежнихъ англійскихъ либеральныхъ рабочихъ депутатовъ, которые теперь уступили мѣсто самостоятельной рабочей партіи. Другая же половина привержена къ социализму, но иногда понимаетъ его весьма своеобразно. Социалистической пропагандѣ еще только предстоитъ расчистить въ Австраліи путь къ дѣйствительному пролетарскому социализму.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

	стр.
П. Орловскій. Въ ночь послѣ битвы Л. Андреевъ и Э. Сологубъ)	3
М. Покровскій. Религія и революція (Д. Мережковский).	19
В. Поповъ. Модный романъ (Санинъ).	39

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

П. Орловскій. Коммунистическій Манифестъ	55
Н. Рожковъ. Государственная Дума	63
Вл. Ильинъ. Нейтральность профессион. союзовъ.	75
М. Новоселовъ. Два пути въ профес. движеніи	84
М. Покровскій. „Строго-научный“ методъ	101
Г. Цыперовичъ. Регрессивныя теченія въ совр. капитализмѣ	113
Сер. Петровъ. Максимализмъ въ русской революціи	138
П. Ор. Потомки Митрофана Простакова	167
Георгій Ервъ. Кооперативный съѣздъ и профес. союзы	175
К. Каутскій, Эд. Фольмаръ и Валльянъ. Три письма.	189

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Ю. Каменевъ. О тѣни Бисмарка	197
--	-----

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хроника рабочаго движенія: ст. Г. Зиновьева, Войнова, Е. П. и др.	223
---	-----